

КОНФЛИКТ

«В „минский процесс” нужно вдохнуть жизнь!»

>> стр. 1

Как шла выработка политических рецептов и их согласование сторонами — об этом разговор с одним из главных идеологов процесса, академиком РАН, президентом ИМЭМО им. Е. М. Примакова Александром Дынкиным.

О своем очень близком видении выхода из донбасского кризиса специально для нашего издания написала комментарий группа сотрудников офиса по сотрудничеству и миру в Европе Фонда имени Фридриха Эберта во главе с Рейнхардом Круммом.

— В чем вы, Александр Александрович, видите самые сложные точки переговоров сегодня? Где именно взгляды наши и украинские прямо противоположны при всем понимании того, что РФ не является стороной переговоров?

— Петр Алексеевич Порошенко относительно недавно заявил, что он должен оставаться у власти до тех пор, пока продолжают вооруженные действия на востоке Украины. Такой подход говорит сам за себя. Контрпродуктивен также и последний закон Рады по Донбассу. Вместе с тем и Москва, и Киев в принципе согласны с разрыванием миротворческой миссии ООН. Хотя и по-разному понимают ее содержание. Украинская сторона настаивает на том, что государственная граница России и Украины сразу с началом операции по поддержанию мира (ОПМ) должна перейти под международный контроль. С этим категорически не согласен. Живы в памяти преступления националистов в Одессе, не расследован до конца снайперский огонь по демонстрантам на Крещатике в феврале 2014 года. Да и недавний многотысячный парад не контролируемых правительством формирований в Киеве — все это говорит о том, что нужен поэтапный подход к расширению миротворческой операции. По мере установления эффективного режима прекращения огня, отвода из зоны безопасности тяжелых вооружений и, конечно, при надежном мониторинге и верификации этих событий можно думать о расширении зоны действия миротворцев. На первом же этапе стоило бы начать с разветвления ОПМ по обе стороны (скажем, 10 км) от линии соприкосновения сторон, как это звучало в российских предложениях.

— Как родилась инициатива? Участвовали ли в ее выработке зарубежные партнеры?

— Инициатива родилась давно — весной 2014 года, в разгар боевых действий. Ее смысл заключался в том, чтобы переключить внимание от эскалации войны, наращивания взаимных обвинений к поиску стратегии выхода. Любые вооруженные действия рано или поздно заканчиваются миром. Помимо этого профессионального понимания было и чисто эмоциональное чувство. Мои родители приехали еще до войны учиться в Москву с Украины: мама — из Запорожья, отец — из Харькова. Поэтому братоубийство воспринималось особенно тяжело. Часто бываю в Ростове и вижу, как страдают люди, в том числе сотни тысяч беженцев с Донбасса. Знаю не понаслышке, как комбайнеры приграничных районов Ростовской области убирали урожай в касках и бронжилетах под обстрелом украинской артиллерии, как неделями круглосуточно работали сельские больницы Куйбышевского и других районов Ростовской области, принимая беженцев, раненых детей и женщин.

Поэтому весной 2014 года, когда в ИМЭМО приехал один из лучших американских экспертов по России, Том Грем, я предложил ему собрать российско-американских экспертов высокого уровня и подумать над сценариями выхода из тупика. Нам помог МИД Финляндии, предоставив возможности для конфиденциальной встречи. Так появилась «программа Бойсто» — по названию острова, где мы провели полтора дня. Ее горячо поддержал мой учитель Евгений Максимович Примаков и посоветовал опубликовать. Мы это сделали 26 августа 2014 года одновременно в «Коммерсанте» и Atlantic. Поднялся страшный шум в Вашингтоне, моментально появилось письмо протеста с более чем 80 подписями разных деятелей, включая, конечно, и наших ультралибералов. А в Киеве вообще истерика — «Мюнхенский сговор», продажа интересов «Незалежной», «война до победного конца» и т. д. Повторю, и в Москве далеко не все радовались.

Но уже 3 сентября 2014 года появилась «мирный план Путина», а 5 сентября — «Минск-1». «Дыхание войны» было сбито. Интенсивность боевых действий ненадолго ослабла. Потом они возобновились, но идея преодоления кризиса стартовала.

«Нам помог МИД Финляндии, предоставив возможности для конфиденциальной встречи. Так появилась „программа Бойсто“ — по названию острова, где мы провели полтора дня»

— То есть вы считаете, что в «минский процесс» еще можно вдохнуть жизнь?

— Безусловно! Что бы ни утверждали оппоненты, в этих соглашениях содержится большинство фундаментальных основ примирения. И прекращение огня, и амнистия участникам конфликта, и обмен пленными, и расширение полномочий местных органов власти, и русский язык, и модальности полного восстановления социально-экономиче-

Лидерам сепаратистов (на фото в центре Александр Захарченко) воевать пока проще, чем вести переговоры

ских связей региона с Украиной, включая социальные переводы, такие как выплата пенсий и много чего еще. Более того, действует «нормандский формат» взаимодействия: Франция, Германия, Украина, Россия. Продолжаются российско-американские консультации Сурков—Волкер. И все это на основе минских соглашений.

— Может ли «замораживание конфликта», об опасности чего вы предупреждаете, произойти на нынешней стадии?

— Этого нельзя исключать. Уже более 40 лет заморожен конфликт на Кипре. Но превращение Донбасса в еще одно Приднестровье — только в десять раз больше — не решение проблемы, а перекладывание ее на будущие поколения. Такой сценарий приведет и к деформации социально-экономического развития Донбасса, а также приграничных областей России и Украины. Слабым лучом надежды является то, что в 2017 году взаимная торговля этих двух стран выросла на 40% по сравнению с предыдущим годом. Жизнь должна взять свое.

— Когда вы говорите о разворачивании миротворцев по обе стороны линии противостояния, то какое количество сил и средств вы имеете в виду?

— Нынешняя линия противостояния насчитывает больше 300 км. По обе стороны от нее развернуты серьезные вооруженные формирования. Думаю, что миротворческий контингент меньше 20–30 тыс. человек не справится. Это должны быть дееспособные, адек-

ватно вооруженные офицеры и солдаты. Конечно, хорошо, чтобы в их составе был и российский контингент. Но тогда потребуют своего участия и американцы. Реалистически, думаю, это должны быть миротворцы из нейтральных стран: Австрия, Швейцария, Сербия, Ирландия. Важно договориться о принципах его формирования. Если и страны ОДКБ и НАТО, тогда такие, как Казахстан, Белоруссия и, скажем Испания и Норвегия — максимально нейтральные. Очевидно, что нельзя доверять эту миссию полякам и прибалтам. Важно, чьи силы будут лидировать в миротворческой операции. Мое предположение — Финляндия. Но это дело дипломатов и военных. Может статься, что некоторые страны вообще не согласятся направлять своих военнослужащих.

— Ваши предложения предполагают сложный переговорный процесс. Способны ли на него, на ваш взгляд, руководители ДНР и ЛНР?

— Если они думают о судьбах, нормальной жизни миллионов людей, тогда, думаю, способны. Конечно, желательно участие представителей ДНР и ЛНР на консультациях в Нью-Йорке, в ООН. Предвижу, что Украина и США будут категорически против. Но только одного согласия Украины для развертывания миротворческой операции недостаточно. Миротворческая доктрина ООН требует согласия всех принимающих сторон, и в особенности тех, от которых зависит безопасность персонала миссии. Без подписания типового меморандума с Украиной, ДНР и ЛНР ни одно государство просто не направит свой контингент в зону конфликта. Этого пока не хотят понять

в Киеве, но понимают в столицах стран — постоянных членов СБ ООН. Важно, разяснить это украинскому руководству.

— Миротворцы «должны пресекать случаи нарушения условий прекращения огня». Как вообще должно происходить принуждение к миру?

— Главное — добрая воля сторон, согласие участников конфликта на полное перемирие и развод тяжелой техники. После этого, как показывает опыт миротворческой деятельности, нельзя исключать возникновение отдельных нарушений и очагов конфликта. Если СБ ООН согласует мандат миротворцев на подавление таких «спойлеров» — они будут иметь право это делать.

— На ваш взгляд, настроения и механизмы принятия ООН решений, поляризация Совета Безопасности могут объединить всех необходимых членов ООН на создание в Донбассе миротворческой, а затем и гуманитарной миссии?

— В последней американской доктрине национальной безопасности Россия и Китай названы «ревизионистскими державами». Читаю это, как то, что только эти две страны не следуют в фарватере Вашингтона. Поэтому, если будет согласие России и США, другие европейские члены СБ его поддержат. Совсем не вижу оснований для возражений Пекина.

— Есть ли в мире позитивный пример, по которому можно равнять восточноукраинское урегулирование?

— Прямые аналогии всегда ущербны. Каждый несчастлив по-своему. Ооновские миротворцы были относительно успешны в Камбодже и Намибии. Конфликт в Северной Ирландии был улажен без привлечения ООН.

КОММЕНТАРИЙ

«Обе стороны преследуют разные цели»

Как появилась идея с миротворцами и в какие проблемы упирается ее решение?

Свой комментарий прислали редакции сотрудники офиса по сотрудничеству и миру в Европе Фонда имени Фридриха Эберта Рейнхард Крумм, Симон Вайсс и Марсель Рётинг.

Кто?

С момента начала массовых протестов на киевском Майдане и последовавших за ними событий на Украине все мы видим серьезное нарушение структуры безопасности и миропорядка в Европе. Следствие — постоянно растущая нестабильность в отношениях России как с Украиной, так и со странами Запада.

С момента подписания минских соглашений («Комплекс мер по выполнению минских соглашений») в 2015 году, предлагавших план по мирному урегулированию конфликта на Востоке Украины, прошло три года, однако они так и остались не более чем документом, закрепляющим статус-кво в зоне конфликта. Чтобы изменить ситуацию и достичь целей, обозначенных в минских соглашениях, выработано достаточно широкое предложение по интернационализации конфликта в Донбассе. Суть его во введении вооруженной миротворческой миссии Организации Объединенных Наций (ООН). Первой с такой инициативой выступила Украина, посчитавшая, что достигнутые в Минске соглашения ей не выгодны.

Россия и пророссийские сепаратисты на Донбассе оставили без внимания инициативу Киева, которую быстро поддержали Германия и Франция (страны—участники «норманд-

ской четверки»). Прежде всего опасаясь того, что Киев использует инициативу для выхода из урегулирования конфликта в рамках минских договоренностей. Однако позиция России достаточно быстро изменилась, и 5 сентября 2017 года Москва подхватила идею введения миротворцев ООН в регион.

Что?

Основа предложения — это размещение контингента миротворческой миссии ООН, направленной на поддержку работы миссии наблюдателей ОБСЕ по контролю за выполнением всех пунктов «Минска-2». Миротворческая миссия должна быть прочной. Это означает возможность в случае необходимости применить оружие в целях предотвращения эскалации военного конфликта между украинскими войсками и отрядами сепаратистов в Донбассе.

Однако теперь Киев больше не поддерживает идею о миротворцах. Причиной в том, что первоначальное предложение Москвы предполагало размещение миротворческой миссии лишь вдоль линии соприкосновения.

Где?

Согласно предложению Москвы, контингент миротворцев ООН должен располагаться вдоль всей 470-кило-

метровой линии соприкосновения, а его основной обязанностью должна быть охрана миссии наблюдателей ОБСЕ. Таким образом, территориальное ограничение на размещение миротворцев ООН со стороны Москвы было расширено. Однако еще в сентябре прошлого года президент Рос-

Для начала в качестве первого шага обеим сторонам было бы неплохо начать переговоры о миротворческой миссии ООН

сии Владимир Путин упомянул в телефонном разговоре с канцлером Германии Ангелой Меркель, что допускает расположение миротворцев и в других местах.

Киев же стремится разместить миротворческую миссию вдоль украинско-российской границы, чтобы пресечь незаконную торговлю и оборот оружия между Россией и сепаратистами. Такой вариант, в свою очередь, отвергает Россия.

Для чего?

Целью миротворческой миссии ООН является сопровождение процесса реализации минских соглашений от 12

февраля 2015 года, нежели создание процесса по решению конфликта, параллельного «Минску-2». То же самое подчеркивает и Россия.

Напротив, нам кажется: миротворческая миссия должна восприниматься как замораживание конфликта в Донбассе. А такой новый импульс

Для начала в качестве первого шага обеим сторонам было бы неплохо начать переговоры о миротворческой миссии ООН. В ходе их можно было бы рассмотреть различные точки зрения, определить цели и договориться о ее составе. В то же время страны «нормандской четверки» могли бы начать обсуждение вопроса финансирования миссии. Уже одна эта инициатива смогла бы стать мерой по повышению доверия и первым шагом к

приободнения для «минского урегулирования» нужен как никогда. Пока ни встречи Германии, Франции, России и Украины («нормандская четверка»), ни двусторонние переговоры спецпредставителя США по Украине Курта Волкера с помощником президента России Владиславом Сурковым не смогли продвинуть реализацию ни одного из 13 пунктов минских соглашений.

И Россия, и Украина выражают заинтересованность в миротворческой миссии и рассчитывают тем самым положить начало мирному урегулированию конфликта. Однако обе стороны преследуют при этом

разные цели, что по-прежнему затрудняет поиск единого решения.

Сейчас речь идет о поэтапном трехступенчатом введении миссии ООН, что предполагает постепенное расширение контроля миссией вплоть до украинско-российской границы. Для Москвы размещение контингента ООН в Донбассе — первый шаг для реализации всего комплекса мер по выполнению минских соглашений. Кроме того, речь идет и о вовлечении мятежных областей Донецка и Луганска в качестве участников в последующие раунды переговоров.

Для Киева же миротворцы ООН — первый шаг на пути к восстановлению контроля над своей территорией, после чего можно будет приступить к реализации соглашения. Но на основании нового закона и не включая сепаратистов в процесс переговоров.

улучшению условий жизни людей по обе стороны линии соприкосновения. Следующим же шагом должен стать отвод тяжелого вооружения и воинских частей с целью достижения основной задачи — реализации минских соглашений.

И Германия, и Франция должны быть заинтересованы не только поддержать инициативу по введению миротворческой миссии в Донбасс, но и способствовать ее реализации. В недавно заключенном коалиционном договоре о создании нового правительства Германии записано: «Началом разрешения конфликта должен стать отвод тяжелого вооружения и воинских частей». Далее: «Реализацию данных процессов должна обеспечить миссия Организации Объединенных Наций».

С похожей формулировкой, как и в статье российских ученых, выступил и Европейский союз. Реакция на предложение начать переговоры, сделанное Германией и Францией от имени ЕС, покажет реальные цели, которые преследует Россия: либо она стремится разрешить конфликт так, чтобы восстановить государственную целостность Украины, либо же намерением Москвы является замораживание конфликта и создание буферной зоны между Россией и странами Европейского союза и НАТО.